

## РУССКИЕ ЭМИГРАНТЫ ЗА РУБЕЖОМ RUSSIAN EMIGRANTS ABROAD

Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 63—71.  
*Siberia Humanitarian*. 2024;(2):63—71.

Русские эмигранты за рубежом

Научная статья  
УДК 94(497.13)–054.7(161.1)  
DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71

### Русское научное зарубежье в Хорватии в межвоенный период XX века

Марина Юрьевна Сорокина

Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация,  
msorokina61@gmail.com

**Аннотация.** В статье описываются траектории профессиональной научной судьбы русских ученых-беженцев постоктябрьской волны, которые проявили себя в Хорватии и которых интеграция в местное научное сообщество привела к достижению профессионального успеха. Рассматривается вопрос о персональных контактах ученых, прежде всего славистов, ставших ключевыми посредниками и коммуникаторами между властными элитами, народами и научными сообществами обеих стран, вследствие чего культурные и научные связи Хорватии с Россией становятся особенно тесными уже со второй половины XIX в. Акцентируется внимание на том, что одним из важнейших инструментов взаимодействия ученых было преподавание в университетах и избрание в местные академии наук.

**Ключевые слова:** русское научное зарубежье, русское зарубежье, история славяноведения, славистика, русская эмиграция, русская эмиграция в Хорватии, социальная история науки

**Для цитирования:** Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье в Хорватии в межвоенный период XX века // Сибирь гуманитарная. 2024. № 2. С. 63—71. DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71.

Russian emigrants abroad

Original article

### Russian scientific Abroad in Croatia in the interwar period of the twentieth century

Marina Yu. Sorokina

Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation, msorokina61@gmail.com

**Abstract.** The article describes the trajectories of the professional scientific fate of Russian refugee scientists after the October wave, who manifested themselves in Croatia and

whose integration into the local scientific community led to professional success. The issue of personal contacts between scientists, primarily Slavists, who became key intermediaries and communicators between the power elites, peoples and scientific communities of both countries, is being considered, as a result of which cultural and scientific ties between Croatia and Russia have become especially close since the second half of the XIX century. Attention is focused on the fact that one of the most important tools of interaction between scientists was teaching at universities and election to local academies of sciences.

**Keywords:** Russian scientific emigration, Russian emigration, history of Slavic studies, Slavic studies, Russian emigration, Russian emigration in Croatia, social history of science

**For citation:** Sorokina M.Yu. Russian Scientific Abroad in Croatia in the Interwar Period of the Twentieth Century. *Siberia Humanitarian*. 2024;(2):63—71. (In Russ.). DOI: 10.32324/2949-1568-2024-2-63-71.

Находившийся в длительной поездке по русским колониям в Королевстве сербов, хорватов и словенцев (КСХС), писатель Глеб Алексеев (1892—1938) 29 октября 1920 г. сообщал правительственному уполномоченному по устройству русских беженцев в КСХС Сергею Николаевичу Палеологу (1877—1933)<sup>1</sup> из Загреба: «...спешу поделиться с Вами своими впечатлениями. О, это, конечно, самый культурный и самый большой (до 180 000 жителей) город Югославии. И это первый город на моем пути, в котором нет „русского вопроса“, так как русские в нем (около 180 человек) растворились, потому приспособились и забыты. Более или менее. Правда, по словам П. Боярского<sup>2</sup>, местная печать, в силу своих внутренне-политических соображений коммунистическая, занималась одно время подтравливанием „ничего не делающих“ русских, но сейчас в значительной мере успокоилась. Объясняется это, главным образом, тем совершенно правильным в своем принципе тоном, который был взят проживающими здесь русскими с самого начала и сущность которого: „мы не из милости у вас живем, а по необходимости“. Это сознание собственного достоинства привлекло симпатии к местным русским в значительно большей степени, чем демонстрация жалостливого своего положения и попытки вызвать сочувствие к несчастным „сиротам“, практикующееся в других колониях. <...> Вот вам результаты большой политической работы, сделанной здесь» [1].

Эти строки, написанные еще до финальной эвакуации русской армии генерала П. Н. Врангеля из Крыма в ноябре 1920 г., когда в КСХС, и Хорватию в частности, хлынула самая значительная волна русских постреволюционных беженцев, выразили основную проблему выбора стратегий выживания для русского сообщества в изгнании — ассимиляции, интеграции или изоляции. И они же предвосхитили позитивную программу той части русского «белого» сообщества в Хорватии, которая сумела трансформировать травму разлуки с родиной в профессиональные практики, позволившие беженцам жить своим научным и художественным творчеством еще долгие годы.

В рамках настоящей статьи мы кратко опишем те траектории профессиональной научной судьбы русских ученых-беженцев, которые проявили себя в Хорватии, и для которых стратегия интеграции означала одновременно и достижение профессионального успеха.

Как известно, в СССР научное изучение русского зарубежья, в том числе научного, было фактически табуировано, и только с началом эпохи перестройки и гласности в конце 1980-х — начале 1990-х гг. русская эмиграция,

<sup>1</sup> Письмо Г. В. Алексеева сохранилось в архивной коллекции С. Н. Палеолога в Гуверсовском архиве Стэнфордского университета США (Paleologue S. N. Box 18). Отметим, что в дальнейшем писатель поселился в окрестностях Дубровника, на острове Шипан.

<sup>2</sup> Петр Михайлович Боярский (1870—1944), последний казанский губернатор, был представителем главного уполномоченного Российского общества Красного Креста в Загребе; в дальнейшем — председатель Объединения русских общественных организаций в Загребе.

прежде всего межвоенного периода XX в., получила статус объекта профессионального исторического исследования. Сегодня российские исследователи, в том числе потомки белой эмиграции, изучают этот феномен уже как неотъемлемую часть внутренней истории Российской империи / СССР, и не только как историю «потерь» и «страданий», но прежде всего как вклад русских беженцев в мировую культуру и науку.

Эта, казалось бы, очевидная тема для научного поиска таит многочисленные трудности источникового характера. Несмотря на многолетнюю поддержку русских эмигрантов королем Александром I Карагеоргиевичем (1888—1934) и его правительствами, «югославская» русская эмиграция, в том числе ее ответвление в Хорватии, оставила очень мало эго-документов — личных архивов и мемуаров, которые только в последнее время стали выявляться и публиковаться. Как следствие, не существует сколь-нибудь заметной биографической литературы, посвященной представителям русского зарубежья в бывшей Югославии. Слабая просопографическая и социологическая изученность одной из крупнейших европейских русских диаспор — балканской, привела к тому, что ее место на карте русского зарубежья многие десятилетия считалось «провинциальным». Только к концу XX в., благодаря значительной работе балканских историков, положение стало меняться и в российской историографии и общественном сознании появилось понимание того, что межвоенная Югославия была одним из главных центров русской эмиграции в мире, вполне сравнимым по напряженности социальной и культурной жизни с такими традиционными центрами русского рассеяния, как Франция, Германия, Чехословакия.

Применительно к Хорватии это понимание во многом появилось благодаря работам потомков русских эмигрантов — Алексея Борисовича Арсеньева и совсем недавно ушедшей от нас Татьяны Витальевны Пушкиади-Рыбкиной (1929—2021). А. Б. Арсеньев детально, с привлечением многочисленных мемуаров, сохранившихся в домашних архивах русской эмиграции, описал русскую колонию в Дубровнике [2]. Т. В. Пушкиади-Рыбкина, жившая в Загребе, на протяжении десятилетий собирала и хранила разбросанные по разным библиотекам и музеям, институтам и архивам, семьям и знакомым документальные материалы по истории русской белой эмиграции в столице Хорватии. В отличие от многих других исследований русской пореволюционной эмиграции, в которых рассматривались прежде всего ее военные и политические организации, фокус книги Пушкиади-Рыбкиной [3] сосредоточен на антропологическом измерении русской беженской диаспоры и на индивидуальном опыте участников великих исторических событий. Она подробно и документированно рассказывает о том значительном культурном и интеллектуальном вкладе, который русское зарубежье вносило и вносит в развитие хорватского общества и науки.

Именно на основе персональных контактов научных специалистов, прежде всего славистов, культурные и научные связи Хорватии с Россией становятся особенно тесными со второй половины XIX в., а сами специалисты выступают в роли ключевых посредников и коммуникаторов между властными элитами, народами и научными сообществами обеих стран. Одним из инструментов непосредственного взаимодействия ученых было преподавание в университетах и избрание в местные академии наук. Так, в число иностранных членов образованной в 1861 г. Югославянской академии наук и искусств в Загребе уже с 1867 г. входили известные русские ученые: историк М. П. Погодин (1800—1875) и филолог И. И. Срезневский (1812—1889). В 1879 г. ее членом был избран филолог Я. К. Грот (1812—1893), в 1882 г. — химик Д. И. Менделеев (1834—1907). Иностранцами членами-корреспондентами Академии были историк С. М. Соловьев (1820—1879), филолог А. Н. Веселовский (1838—1906), слависты А. А. Шахматов (1864—1920) и П. А. Лавров (1856—1929) и др.

Известный хорватский правовед и этнограф Бальтазар (Вальтазар) Богишич (1834—1908) в статусе ординарного профессора по кафедре истории славянских законодательств с 1869 г. преподавал в Императорском Новороссийском университете в Одессе [4—6]. Там же экстраординарную профессуру в 1872 г. получил другой известный славист хорватского происхождения Ватрослав Ягич (1838—1923), который в 1870 г. был поддержан российскими коллегами в критической для себя ситуации. Оставшегося без работы в Загребе и без перспектив найти применение в Австрии слависта пригласил в Россию профессор Императорского Санкт-Петербургского университета И. И. Срезневский, сумевший организовать избрание Ягича почетным доктором Санкт-Петербургского университета и содействовавший его устройству в Новороссийский университет в Одессе [7 ; 8]. Уже в 1881 г. В. Ягич был избран действительным членом Императорской академии наук в Санкт-Петербурге по отделению русского языка и литературы и многие годы своего профессорства в России, а затем и вне ее, играл роль своего рода индивидуального объединяющего общеевропейского центра в области славяноведения [9 ; 10].

Вынужденная эмиграция российских ученых после русской революции 1917 г. и Гражданской войны в России стала настоящей жизненной трагедией для многих из них. Оказавшись в положении беженцев, они теряли привычный жизненный уклад и профессиональный ландшафт — культурные, научные и образовательные учреждения и общества со своими традициями, школами, преподавателями, студентами, учениками и посетителями. Так, ординарный профессор Императорского университета Святого Владимира в Киеве, известный психоневролог Михаил Никитич Лапинский (1862—1949) называл себя «случайным эмигрантом». Он рассказывал, что после трех месяцев ожидания эвакуации из Севастополя в 1920 г. получил предложение сопровождать переход парохода «Русь», вывозившего иностранцев с поддержкой англичан из Крыма в Румынию, в качестве обычного санитарного врача. Однако Румыния не приняла пароход, и профессор оказался в Варне (Болгария), где встретил чешских университетских коллег, предложивших Лапинскому ехать с ними в Прагу. Этот переезд также получился неудачным, поезд оказался остановленным на 12 дней — и в результате в Загребе к профессору пришла делегация от медицинского факультета университета с предложением остаться в Хорватии [11, л. 224]. Так случайность обернулась удачей и для медика, и для местного общества. Профессор М. Н. Лапинский учредил Загребскую психоневрологическую клинику и в 1921—1928 гг. служил в ней главным врачом и профессором неврологии и психиатрии по контракту, а после того, как в июне 1925 г. принял подданство КСХС, стал ординарным профессором медицинского факультета Загребского университета. Случай Лапинского не был единичным. В отличие от многих других европейских стран, Хорватия предоставила возможность русским беженцам продолжить свою профессиональную карьеру и найти себе и своим семьям достойное место в новом обществе.

Будущий выдающийся византолог и палеограф Владимир Алексеевич Мошин (1894—1987), поселившийся вместе с женой в маленьком хорватском городке Копривнице, в 100 километрах от Загреба, вспоминал, что «здесь нас обоих сразу приняли на службу в качестве преподавателей местной гимназии: меня как преподавателя истории, а жену как преподавателя языков. Здесь мы пробыли 11 лет, почти оторванными от русского общества и по необходимости связанными с местными интересами, профессиональными и культурными <...> Необходимость упрочить служебное положение заставила меня готовиться к государственным экзаменам, которые я не успел сдать в России, и через год, в 1922 году, я сдал их в Белграде в Комиссии русских ученых по программе русских университетов. Войдя в связь с русскими учеными и получив возможность доставать книги из

научных библиотек Загребского университета и Югославянской академии, я снова стал заниматься изучением проблем начальной русской истории и писать научную работу о „варяго-русском вопросе“. Отдельные отрывки из нее были приняты как ученые статьи в разные научные журналы в Загребе, в Праге, в Белграде, в Софии и таким образом создались научные связи. В 1928 году я защитил диссертацию о „Тмутороканской Руси“ (вопрос о норманнской колонизации на Черноморье) и получил звание доктора философии. В следующем году сдал в Белграде так называемый, «государственный профессорский экзамен» (на штатного преподавателя средней школы) по специальности общей и сербской истории и истории югославянской литературы и получил звание профессора средней школы» [11, л. 6 об.].

В свою очередь ученые, хотя и считали, что покидают родину временно, очень быстро, в течение 1920—1922 г., сумели сформировать новое интеллектуальное пространство, параллельно с советской Россией, и институционализироваться в обширной национальной научно-образовательной инфраструктуре по всему миру — собственных институтах, учебных заведениях разных уровней, академических группах, обществах, издательствах, периодической печати и т. п., которые с разной степенью интенсивности функционировали до Второй мировой войны, а некоторые — и всю вторую половину XX в. Эта новая научно-организационная система, поддержанная и профинансированная правительствами ряда стран и международными организациями, охватывала преимущественно гуманитарные направления знания и социальные науки, обеспечение которых не требовало столь значительных средств, как *Big science*, с одной стороны, и готовило потенциально лояльные кадры, с другой.

Напротив, в Хорватии в первую очередь оказались востребованными те научные специалисты, которые занимались инженерными, медицинскими и естественными науками, что объективно способствовало резкой интенсификации русско-хорватских научных связей и существенно изменяло их научно-дисциплинарную структуру. Так, физикохимик, профессор Московского университета Иван Степанович Плотников (1878—1955), ученик великого В. Оствальда, одного из основоположников физической химии, лауреата Нобелевской премии по химии за 1909 г., работал по контракту профессором физики и физической химии в Высшей технической школе (с 1926 г. — технический факультет Загребского университета), а после получения подданства КСХС стал ординарным профессором, основал Институт физики и физической химии Загребского университета и возглавлял его многие годы. Химик Николай Антонович Пушин (1875—1947) там же руководил кафедрой физической химии фармацевтического факультета. Энтомолог Николай Ильич Баранов (1887—1981) работал в Школе народного здравоохранения в Загребе, а в 1928—1944 гг. являлся научным сотрудником Института паразитологии ветеринарного факультета Загребского университета. Автор более 150 научных работ по энтомологии, открывший свыше 200 новых типов двукрылых в разных странах, Баранов собрал уникальную коллекцию насекомых и надеялся, что она поможет ему устроиться после Второй мировой войны в Британский музей (Великобритания). Однако этого не произошло, и ученому пришлось уехать в Пакистан, откуда только в 1962 г. он с помощью сына переехал в Лондон.

Эпидемиолог Никтополион Чернозубов (1890—1967), изучавший медицину в Москве и Харькове, одно время возглавлял бактериологическое отделение Дома народного здравоохранения в г. Осиек, а в 1931—1943 гг. заведовал эпидемиологическим отделением в Институте гигиены и Школе народного здравоохранения в Загребе. В сельских районах Хорватии он участвовал в международных исследованиях секции гигиены Лиги Наций по профилактике тифа и паратифа, основал центр по идентификации и изу-

чению сальмонеллы. Известный психиатр и невропатолог Николай Васильевич Краинский (1869—1951) прибыл в КСХС в ноябре 1920 г. и уже в декабре того же года вместе с группой беженцев из России поселился в г. Костайнице, где издал несколько своих работ в типографии А. Vugrin. В июле 1922 г. он был назначен управляющим больницей Российского общества Красного Креста во дворце Лобор и на этой должности оставался до апреля 1924 г. В эти годы Краинский продолжал публиковать научные работы на немецком языке в известной типографии В. А. Сулигоя в г. Златар, неподалеку от Лобора [12]. Одновременно по приглашению медицинского факультета Загребского университета Краинский прочитал там курсы общей и экспериментальной невропатологии и психиатрии в статусе приват-доцента.

Наконец, нельзя не упомянуть и имя выдающегося патологоанатома Сергея Николаевича Салтыкова (1874—1964), изучавшего медицину и практиковавшего в институтах Цюриха, Марбурга, Праги и Парижа вместе со многими выдающимися учеными того времени. Почетный доктор Базельского университета, Салтыков в 1906—1915 гг. работал прозектором кантональной больницы в Санкт-Галлене в Швейцарии. Сюда же он пытался вернуться и после революции в России, но в 1922 г. принял приглашение медицинского факультета Загребского университета взять на себя руководство Патологоанатомическим институтом в статусе профессора по контракту. Опыт оказался удачным, и наряду с одноименной кафедрой университета С. Н. Салтыков руководил этим институтом ровно тридцать лет, став в эмиграции автором множества научных работ и нескольких капитальных трудов и учебников.

Как уже упоминалось, наряду с университетами, академии наук на Балканах, и в частности в бывшей Югославии, служили важным механизмом интегративной модели взаимодействия местного научного сообщества и ученых-беженцев. Сербская королевская академия наук в Белграде, например, избрала в свои ряды многих российских научных специалистов, приехавших в КСХС уже в звании профессора университета [13]. Но большинству из них понадобилось около 10—12 лет для утверждения научного авторитета в югославской научной среде и пик избрания русских ученых в Сербскую академию пришелся на 1932—1934 гг. В Хорватии этот опыт не прижился, и медик С. Н. Салтыков оказался единственным из русских специалистов-эмигрантов, избранным в Югославскую академию наук и искусств в Загребе в межвоенный период. Но в отличие от многих коллег в Европе, вынужденных неоднократно менять страну пребывания, что нередко заканчивалось потерей профессионального статуса, почти все крупные русские ученые-беженцы, жившие и работавшие в Хорватии, навсегда связали свою профессиональную и личную судьбу с этой страной, став основателями многих научных школ и направлений, директорами академических институтов.

Проделанная ими огромная работа по установлению и развитию новых дисциплинарных связей не прошла даром. С изменением политических условий после Второй мировой войны в Югославскую академию наук и искусств в Загребе были избраны многие советские ученые именно физико-химического и биологического профиля: С. И. Вавилов, Л. В. Канторович, Н. П. Дубинин, К. И. Скрябин и др. Аналогичный процесс происходил и в Сербской академии наук и искусств в Белграде, в которую на протяжении 1945—1991 гг. (т. е. до распада СССР и Югославии) были избраны еще 47 человек — граждан СССР и русских ученых-эмигрантов. Представительство наук физико-математического и естественного цикла также стало значительно выше за счет ученых из СССР, достигнув почти 75 %. В то же время в послевоенный период русское/советское гуманитарное со-

общество продолжало оставаться слабо представленным в Югославской академии наук.

Как отмечает А. Б. Арсеньев, немало русских эмигрантов занимались изучением истории Дубровницкой республики, в частности дубровнико-русских связей, работая в межвоенный период в известном Дубровницком архиве. Это профессора Евгений Васильевич Аничков (1866—1937), Федор Васильевич Тарановский (1875—1936), Сергей Владимирович Штейн (1882—1955), Владимир Алексеевич Мошин, Александр Васильевич Соловьев (1890—1971). А. В. Соловьев, изучавший материалы в Дубровницком архиве уже в 1923 г. [2, с. 104—105], с удовольствием вспоминал незабываемые вечера, проведенные с братьями Иво и Луйо Войновичами в Дубровнике. В статье «Могилы Войновичей», посвященной писателю и драматургу Иво Войновичу (1857—1929), Соловьев писал, что «в личности поэта слились в единое различные семейные традиции: и „славянофильство” Св. Петра Цетиньского (боко-каторская кровь деда и прадеда), и классические традиции Дубровника (итальянско-дубровницкая кровь матери), и иллиризм Людевита Гая (хорватские традиции отца), чтобы из великого поэта сделать и великого югословянина, для которого католики и православные одинаково близки» [2, с. 104]. Для молодого русского ученого-эмигранта, выросшего в атмосфере имперского интеллектуального космополитизма (он родился и вырос в Царстве Польском) и в одночасье лишившегося «большой», многонациональной и многоконфессиональной, родины, по-видимому, именно поиск синтеза, хотя бы и исторически романтизированного, был сущностно и личностно важен в это время.

Интересно, что и другой, в будущем выдающийся славист, поэт и переводчик, автор нескольких монографий о культуре и литературе эпохи Возрождения, «Колумб славянского Возрождения», как его называли коллеги, — Илья Николаевич Голенищев-Кутузов (1904—1969) — также начинал свой профессиональный путь в Дубровнике. Шестнадцатилетним юношей он приехал с родителями в КСХС, окончил романское отделение философского факультета Белградского университета, где стал любимым учеником Е. В. Аничкова. Назначенный преподавателем гимназии в Дубровнике, Голенищев-Кутузов провел в городе несколько лет, которые в известном смысле определили его профессиональную карьеру слависта. Именно здесь возник его пристальный интерес к славянскому эпосу и фольклору, который в дальнейшем реализовался в многочисленных балканских экспедициях и трудах сравнительно-исторического характера. В Дубровнике Голенищев-Кутузов познакомился и подружился с Иво Войновичем, в доме которого когда-то останавливался философ Владимир Соловьев (1853—1900), стал переводчиком его поэзии, написал несколько статей о его театре, в том числе для парижского журнала *Le monde et l'art slave* [14 ; 15]. Войнович был очень расположен к молодому слависту и даже написал «русскую» драму, назвав ее именем своего друга — «Илья». Столь же теплые, дружеские отношения связывали Голенищева-Кутузова в Дубровнике и с польским композитором Людомиром Михалом Роговским (1881—1954), автором оперы «Марко Королевич» по мотивам народных эпических песен южных славян. Либретто оперы написал Голенищев-Кутузов. Интенсивные творческие контакты, связанные с Дубровником и Далмацией в целом, стали фундаментом югославской научной карьеры И. Н. Голенищева-Кутузова. Неудивительно, что и после получения докторской степени в парижской Сорбонне (1933) он вернулся сюда и уехал в Белград только ввиду перспективы университетской работы.

Все же стоит отметить, что в межвоенный период русские ученые-гуманитарии не занимали в Хорватии значимых научных позиций. Лишь в послевоенный период известный славист, к тому времени рукоположенный в иереи Русской Православной Церкви, В. А. Мошин, несмотря на уго-

воры академика А. Белича и Г. А. Острогорского перейти на работу в белградский Институт византиноведения, принял пост директора архива Югославянской академии в Загребе и переехал в хорватскую столицу, где и работал до 1960 г.

Русские ученые — постреволюционные беженцы всех поколений, приехавшие в Хорватию и оставшиеся здесь жить и работать, наглядно продемонстрировали, что стратегия вхождения в местное научное сообщество и гражданское общество приносит вполне заслуженный профессиональный успех и отнюдь не означает потерю национальной и/или культурной идентичности. Напротив, опора на местные власти и тесное взаимодействие с местным научным сообществом дает позитивные долгосрочные результаты. Чем активнее и прагматичнее были русские ученые-беженцы, чем разнообразнее были их связи во всех профессиональных группах и слоях принимающего общества, тем более результативной и успешной была их научная карьера.

### Список источников

1. Квакин А. В. Дело № 32. «Путевые заметки» и дальнейшая судьба литератора Глеба Алексеева. URL: <http://www.kvak.in.ru/Documents/delo32.pdf> (дата обращения: 06.03.2024).
2. Арсеньев А. Б. Русская эмиграция в Дубровнике // Европа: Международный альманах. Тюмень : Изд-во Тюменского гос. ун-та, 2011. С. 75—140.
3. Пушкadia-Рыбкина Т. В. Эмигранты из России в научной и культурной жизни Загреба. Загреб, 2007. 340 с.
4. Пупови С. Валтазар Богишич: к 160-летию со дня рождения // Этнографическое обозрение. 1995. № 5. С. 133—143.
5. Птицын А. Н. Хорватские профессора российских университетов в 70—80-е годы XIX в. // Гуманитарные и юридические исследования. 2016. № 1. С. 105—109.
6. Воробьева И. Г. Письма Вальтазара Богишича в Тверь // Croatica et Slavica Iadertina. 2010. VI. С. 351—355.
7. Лаптева Л. П. И. В. Ягич (1838—1923) в оценках русских современников последней четверти XIX — начала XX века // Славяноведение. 2015. № 2. С. 66—81.
8. Ващенко М. С. Ватрослав Ягич и его восприятие России: к 90-летию со дня смерти хорватского ученого // Славянский мир в третьем тысячелетии. 2013. № 8. С. 111—123.
9. Письма И. В. Ягича к русским ученым. 1865—1886. М. ; Л. : Изд-во АН СССР, Ленинградское отделение, 1963. 528 с.
10. Робинсон М. А. Восстановление И. В. Ягича в статусе действительного члена РАН и состояние проекта «Энциклопедия славянской филологии» (начало 1920-х годов) // Славяноведение. 2016. № 2. С. 89—99.
11. Государственный архив Российской Федерации. Ф. Р-9526. Управление уполномоченного Совета министров СССР по делам репатриации. 1944—1953. Оп. 1. Д. 234.
12. Krainsky N. Energetik der mechanischen Erscheinungen und die Grundlagen der Energetik, der Elektrophysik und Thermodynamik. Zlatar : Gedruckt von V. Suligoj, 1924. 192 с.
13. Сорокина М. Ю. Русское научное зарубежье и Сербская академия наук и искусств в XX веке // Столетие двух эмиграций. 1919—2019 : сб. ст. / отв. ред. А. Ю. Тимофеев. М. : Институт славяноведения РАН ; Белград : Информатика, 2019. С. 229—238.
14. Голенищев-Кутузов И. Н. От Рильке до Волошина : журналистика и литературная критика эмигрантских лет. М. : Русский путь, 2006. 336 с.
15. Голенищев-Кутузов И. Н. Лики времени: парижские эссе. М. : Изд-во МЦНМО, 2004. 255 с.

### References

1. Kvak.in A.V. Delo № 32. "Putevye zametki" i dal'neyshaya sud'ba literatora Gleba Alekseeva ["Travel notes" and the further fate of the writer Gleb Alekseev]. Available at: <http://www.kvak.in.ru/Documents/delo32.pdf> (accessed: 06.03.2024).
2. Arsen'ev A.B. Russkaya emigratsiya v Dubrovnikе [Russian emigration in Dubrovnik], *Evropa: Mezhdunarodnyy al'manakh* [Europe: The International Almanac]. Tyumen', Publ. Tyumenskogo gos. un-ta, 2011, pp. 75-140.
3. Pushkadiya-Rybki.na T.V. Emigranty iz Rossii v nauchnoy i kul'turnoy zhizni Zagreba [Emigrants from Russia in the scientific and cultural life of Zagreb]. Zagreb, 2007, 340 p.

4. Pupovtsi S. Valtazar Bogishich: k 160-letiyu so dnya rozhdeniya [Balthazar Bogisic: on the 160th anniversary of his birth], *Etnograficheskoe obozrenie* [Ethnographic Review], 1995, no. 5, pp. 133-143.
5. Ptitsyn A.N. Khorvatskie professora rossiyskikh universitetov v 70—80-e gody XIX v. [Croatian professors of Russian universities in the 70s and 80s of the XIX century], *Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya* [Humanitarian and legal studies], 2016, no. 1, pp. 105-109.
6. Vorob'eva I.G. Pis'ma Val'tazara Bogishicha v Tver' [Letters of Valtazar Bogishich to Tver], *Croatica et Slavica Iadertina*, 2010, VI, pp. 351-355.
7. Lapteva L.P. I.V. Yagich (1838—1923) v otsenkakh russkikh sovremennikov posledney chetverti XIX — nachala XX veka [I.V. Yagich (1838-1923) in the assessments of Russian contemporaries of the last quarter of the XIX — early XX century], *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2015, no. 2, pp. 66-81.
8. Vashchenko M.S. Vatroslav Yagich i ego vospriyatie Rossii: k 90-letiyu so dnya smerti khrovatskogo uchenogo [Vatroslav Yagic and his perception of Russia: on the 90th anniversary of the death of the Croatian scientist], *Slavyanskiy mir v tret'em tysyacheletii* [The Slavic world in the third millennium], 2013, no. 8, pp. 111-123.
9. Pis'ma I.V. Yagicha k russkim uchenym. 1865—1886 [Yagich's letter to Russian scientists. 1865-1886]. Moscow, Leningrad, Publ. AN SSSR, Leningradskoe otdelenie, 1963, 528 p.
10. Robinson M.A. Vosstanovlenie I.V. Yagicha v statuse deystvitel'nogo chlena RAN i sostoyanie proekta "Entsiklopediya slavyanskoy filologii" (nachalo 1920-kh godov) [Restoration of I. V. Yagich to the status of a full member of the Russian Academy of Sciences and the status of the project], *Slavyanovedenie* [Slavic studies], 2016, no. 2, pp. 89-99.
11. Gosudarstvennyy arkhiv Rossiyskoy Federatsii, coll. P-9526. Upravlenie upolnomochennogo Soveta ministrov SSSR po delam repatriatsii. 1944—1953 [The State Archive of the Russian Federation. coll. P-9526. Department of the Authorized Council of Ministers of the USSR for Repatriation. 1944—1953], aids. 1, fol. 234.
12. Krainsky N. *Energetik der mechanischen Erscheinungen und die Grundlagen der Energetik, der Elektrophysik und Thermodynamik* [Energetics of mechanical phenomena and the foundations of energetics, electrophysics and thermodynamics]. Zlatar, Gedruckt von V. Suligoj, 1924, 192 p.
13. Sorokina M.Yu. Russkoe nauchnoe zarubezh'e i Serbskaya akademiya nauk i iskusstv v XX veke [Russian Scientific Abroad and the Serbian Academy of Sciences and Arts in the twentieth century], *Stoletie dvukh emigratsiy. 1919—2019* [The centenary of two emigrations. 1919—2019], sb. st. Moscow, Institut slavyanovedeniya RAN, Belgrad, Informatika, 2019, pp. 229-238.
14. Golenishchev-Kutuzov I.N. *Ot Ril'ke do Voloshina: zhurnalistika i literaturnaya kritika emigrantskikh let* [From Rilke to Voloshin : journalism and Literary criticism of the emigrant years]. Moscow, Russkiy put', 2006, 336 p.
15. Golenishchev-Kutuzov I.N. *Liki vremeni: parizhskie esse* [Faces of Time: Paris Essays]. Moscow, Publ. MTsNMO, 2004, 255 p.

## Информация об авторе

**Сорокина Марина Юрьевна** — кандидат исторических наук, доцент, заведующий отделом истории российского зарубежья, Дом русского зарубежья им. Александра Солженицына, Москва, Российская Федерация. E-mail: msorokina61@gmail.com

## Information about the author

**Marina Yu. Sorokina** — Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Head of the Department of the History of the Russian Abroad, Alexander Solzhenitsyn House of Russian Abroad, Moscow, Russian Federation. E-mail: msorokina61@gmail.com

Статья поступила в редакцию 22.02.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 10.04.2024.

The article was submitted 22.02.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 10.04.2024.